

быть в одно и то же время христианином и гладиатором“.*)

Это противоречие, выраженное в других терминах, есть противоречие патриотизма и христианства, о котором Толстой подробно говорит в статье, носящей это заглавие. „Патриотизм в наше время“, пишет он: „есть жестокое предание уже пережитого периода времени, которое держится только по инерции и потому, что правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью и насилием возбуждают и поддерживают его в народах. Патриотизм в наше время подобен лесам, когда то бывшим необходимыми для постройки стен здания, которые несмотря на то, что они одни мешают теперь пользованию зданием, всетаки не снимаются, потому что существование их выгодно для некоторых. Между христианскими народами уже давно нет и не может быть никаких причин раздора.“

Но правительствам нельзя оставить народы в покое, т. е. в мирных отношениях между собой, потому что если не единственное, то главное оправдание существования правительств в том, чтобы умиротворять народы, улаживать их враждебные отношения. И вот правительства вызывают эти враждебные отношения под видом патриотизма и потом делают вид, что умиротворяют народы между собой. Вроде того как цыган, который посыпав своей лошади перца под хвост, нахлестав ее в стойле, выводит ее, повиснув на поводу, и притворяется, что он насилу может удержать разгорячившуюся лошадь“. По мнению Толстого, „нет во всей истории ни одной войны, которая не была бы вызвана

*) Там же — стр. 117, 118.